

16+

НЕ ПОМОГАЙТЕ МНЕ. Я СДЕЛАЮ ВСЕ САМ

ВАЛЕНТИНА ИЛЪАНКОВА
АЛЕКСАНДР КОРЕНЮГИН

СЕРИЯ «СОЗВЕЗДИЕ ДЕВЫ»

Валентина Ильянкова

**Не помогайте мне. Я сделаю все
сам. Серия «Созвездие Девы»**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ильянкова В. М.

Не помогайте мне. Я сделаю все сам. Серия «Созвездие Девы» /
В. М. Ильянкова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В оформлении обложки использована фотография с shutterstock по стандартной лицензии. Драма федерального судьи, от взлета до падения. За преступление, которое не совершал, он своими коллегами был осужден на длительный срок отбывания наказания в колонии строгого режима. И только «на зоне» пришло понимание, что настоящим судьей он никогда не был, что Законы страны, это не только кара, но и Высшая справедливость, вершить которую дано не всем. А занимать чужое судейское кресло — это тоже преступление, потому что судьями не становятся, судьями рождаются.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Судья, осуждающий невинного, осуждает самого себя.

Публилий Сир, Древнеримский поэт

Предисловие

Первое десятилетие двадцать первого века в истории нашей маленькой европейской страны отменилось неординарными событиями, которые как-то не вписывались в морали демократического общества и сознание законопослушных граждан. Все началось с того, что почти одновременно были арестованы около двух десятков высокопоставленных особ страны и им предъявлены различного рода обвинения, в том числе коррупционный сговор, получение или дача взяток, сокрытие доходов с последующей неуплатой налогов, и многое другое. Жители страны восприняли данные аресты спокойно и адекватно – провинились перед страной и ее законами, значит нужно отвечать. Все бывшие *vip*-граждане, а это солидные бизнесмены, служители правоохранительных органов и Фемиды в день ареста были заключены под стражу, и на время следственных разбирательств помещены в сизо. Состоялись суды, сроки наказания подозреваемым были назначены суровые, некоторым свыше десяти лет своей жизни предстояло провести в колониях строгого режима.

А затем... Что ожидает отбывших наказание, особенно, если оно несправедливое или вообще необоснованное? Травмированная психика и дальнейшая ущербная жизнь. Жизнь, как правило, предстояло начинать заново, с нуля: полное отсутствие материальной базы, родственников и друзей! На имущество наложен арест, озвучено табу на руководящие должности.

Ранее преданные друзья и большая часть любящих родственников сразу после ареста пугливо отошли в сторону и даже не пытались протянуть руку помощи, мол, сам провалился в болото, сам и выбирайся. А при чем здесь мы? Конечно, ты нам в случае нужды всегда помогал, но у тебя ведь была возможность оказать помощь ближнему без ущерба для себя! А у нас такой возможности нет.

Да, таковы реалии жизни – дружба и любовь у многих из нас иногда случаются только с благополучными, богатыми и уважаемыми людьми. А если человек теряет свои регалии и авторитет, то и дружба, а иногда и любовь, к сожалению, тоже исчезают. Но все это предсказуемо, и не ново. Так было всегда – есть человечество, есть и взаимоотношения, часто и, даже очень часто, корыстные. Никаких потрясений и открытий в отношениях между людьми здесь нет.

Неожиданностью для граждан страны стал факт, а вернее способ, освобождения этих людей из-под стражи. Многие из обвиненных казнокрадов и взяточников не отсидели и половину назначенного срока наказания, а тут внезапное помилование от первого лица страны! Сами *vip*-осужденные пришли в шок от государевых милостей, а уж как изумился народ! И это при том, что осужденные не просили помилование, условно-досрочное освобождение или хотя бы изменение условий содержания.

Но как оказалось, о них помнили, они были нужны стране, ведь кризис, причем – экономический... Государству кадры нужны, даже если они в настоящее время «терпились» и их жизнь тлеет на тюремных нарах. Поэтому перед ними срочно открыли тюремные ворота и просто выпустили на свободу, без дополнительных судебных разбирательств и отмены или изменения ранее принятых приговоров.

Процедура помилования оказалась банально простой, но при том как-то не вписывалась в законодательное поле страны – на самом верхнем уровне власти приняли решение: не только освободить, но и назначить бывших уголовных преступников на руководящие должности. Правда, возглавить они должны были только безнадежно убыточные предприятия и, если уж не вытащить их из долговой ямы, то хотя бы достойно ликвидировать или продать на аукционе, за счет чего пополнить бюджет страны.

Таким образом, во искупление проступков (или преступлений?) им власть назначила принудительное служение во благо Отечества. Судимость с них не сняли, решение об отмене запрета на руководящие должности также не приняли.

При этом власть публично объявила, что если Вы, господа уголовники, не поднимите предприятия на уровень процветания, то вновь отправитесь в исправительные колонии строгого режима или даже тюрьмы для дальнейшего отбывания наказания. Можно этот шаг власти отнести к разряду помилования отдельных заключенных? Конечно, нет! Скорее, это шаблонное изменение условий содержания заключенных в каком-то необычном исполнении! В новых реалиях нет колоний-поселений и тюремный надзор заменен милицейским, но он присутствует.

Так в стране властями был сформирован временный директорский корпус новой формации – работа не по совести и призванию, а под страхом возвращения в колонию или тюрьму.

В списке новых назначенцев в директорские кресла убыточных предприятий оказался и бывший председатель областного суда города Заревска Тимофей Сергеевич Базылев, кандидат юридических наук, судья 1 класса.

Его назначили на должность генерального директора агропромышленного комплекса Восточный, отобрали подписку о невыезде из страны и выпустили из лагеря на собственные хлеба. Правда, выпустили «понарошку», и всего на одну рабочую неделю: три дня на сборы в родном городе, один день на дорогу до места нового назначения, один день на обустройство будущей жизни.

А затем работа в агропромышленном комплексе, но под надзором местного райотдела милиции, где по прибытии он должен был встать на учет, а затем, через положенный промежуток времени, систематически отмечать или точнее подтверждать свое присутствие на данной территории.

Через четыре года, возможно, он полностью отбудет срок наказания и покинет пост управленца опрокинувшегося в убытки предприятия, расположенного на заболоченной территории самого северного района страны.

Или, тоже, возможно, будет с конвоем вновь отправлен под тюремный надзор.

Глава 1

Четыре года назад Тимофея арестовали за взятку в размере одной бутылки не самого лучшего армянского коньяка и тоненького мерного слитка золота весом в десять граммов, стоимостью около трехсот пятидесяти долларов США. Этот алкоголь-драгоценный набор, запечатанный в нарядную коробочку, в день ареста вручил Тимофею в качестве подарка к юбилейному дню рождения какой-то, как ему тогда показалось, незнакомый человек. Тимофею в тот день исполнилось ровно пятьдесят лет. Это уже потом, сотрудники комитета госбезопасности при досмотре подарков председателю областного суда, в данной коробке, кроме названных предметов, обнаружили записку «Взятка». Тимофеем даже не пытался доказывать следствию, что это не его коробка, а улику ему просто подложили. На упаковке коробки были обнаружены отпечатки пальцев самого Тимофея – значит взял, и «взяткодателя» – значит дал. Не нужно быть юристом, чтобы эту ситуацию сразу отнести к «подставе». А Тимофеем был профессиональным не просто юристом, а судьей первого класса и недавно был зачислен в кадровый резерв судебной системы страны на должность Председателя Верховного Суда. Он понял, что его дальнейшая судьба уже кем-то, на каком-то уровне решена, и сопротивление, как говорится, бесполезно. От адвоката он отказался, потому что точно знал сценарий дальнейших событий. Взяткодателям зачтут сотрудничество со следствием и от уголовной ответственности освободят. А ему, Тимофею Сергеевичу Базылеву, кандидату юридических наук, судье 1 класса, его бывшие коллеги по службе вынесут приговор с максимально высокими сроками наказания. И статью в Уголовном Кодексе подберут соответствующую, чтобы, не дай Бог никто их не заподозрил в укрывательстве и пособничестве преступнику-судье. Тимофеем предполагал, что срок ему назначат не менее 10 лет лишения свободы, но немного не угадал. Его лишили свободы сроком на 8 лет. А адвокат у него все-таки был, и не простой – популярный в своих кругах, и надо отметить, ответственный человек. Свое появление в суде адвокат объяснил Тимофею просто и понятно:

– Тимофеем Сергеевич, Вы не можете от меня отказаться. Меня наняла и договор со мной подписала женщина, а Вы всегда были джентльменом и дамским угодником. И сейчас, разве Вы позволите себе обидеть женщину? Поэтому, примите мое появление здесь, как обыденную данность.

Только после суда Тимофеем оценил старания адвоката. Это его заслугами срок наказания был сокращен до 8 лет.

Имя женщины адвокат не назвал, но тут и гадать не приходилось – конечно, это жена, Фаина. За пару лет до ареста Тимофеем уже твердо был уверен, что женился неудачно. Живет без любви и уважения к женщине, которую продолжает называть женой.

Есть сын, но он подросток и скоро от родительской опеки совсем откажется. Да, и почему нужно разводиться с сыном? С сыном и дальше можно жить вместе, их отношения всегда это позволяли. Расстаться нужно с Фаиной. По большому счету их давно уже ничего не связывало. Фаина всегда баловалась краткосрочными интимными связями. В последнее время у нее появился постоянный boyfriend, и этот факт от мужа она не скрывала. Тимофеем предложил, а Фаина согласилась, что развод нужно оформлять, он неизбежен.

Официально, через суд, имущество они делить не стали. Малогабаритная квартира, которая по умолчанию принадлежала роду Базылевых, оставалась Тимофею, а все остальное – загородный дом с дворовым бассейном, сауной, просторным гаражом и машиной переходил во владение Фаине. Конечно, не совсем Фаине, а сыну Артему. Родовое поместье Базылевых Тимофеем решил через Фаину, как опекуна, сразу записать на сына.

За неделю до ареста Тимофея они успели подать в суд заявление о разводе и нотариально оформить раздел имущества. Сын Артем пока не принял решение где, или с кем, он будет жить

после развода родителей, и временно устроился на постой у бабушки и дедушки по отцовской линии.

Все четыре года заключения Тимофей получал с воли ежемесячные денежные переводы, продовольственные и вещевые передачи. На свидания Фаина не приезжала, но тут все было понятно – скорее всего их брак был расторгнут и свидания с отбывающим срок бывшим мужем Фаине не полагались, не позволяло законодательство. Почему-то прекратили общаться с Тимофеем и родители: то ли болели, то ли стыдились сына-уголовника. В первый год отсидки Тимофей пробовал писать им письма, но всякий раз они возвращались с пометкой «Адресат выбыл».

Но все-таки общение с вольным миром у Тимофея было. Хоть и усеченное до мизера, до нескольких минут в полгода, но было!

Тот самый адвокат, с которым Тимофей был знаком с момента суда, и которого, по его убеждению, наняла Фаина, изредка навещал Тимофея в исправительной колонии, выяснял условия содержания и потребности в вещах и продуктах.

За две недели до освобождения Тимофея из колонии адвокат снова его навещал, и рассказал о планах властей пополнить директорский корпус страны за счет помилованных специалистов, отбывающих наказание в тюрьмах и колониях.

В эти списки наверняка, попадет и бывший судья Тимофей Базылев. Предварительно адвокат тщательно изучил послужной список Тимофея и не нашел там какие-либо, порочащие факты из его трудовой деятельности. Трудовая книжка была наполнена записями о наградах, благодарностях и материальных поощрениях.

В последние годы страна все больше ощущала недостаток в грамотных и добросовестных руководителях предприятий всех отраслей производства: аресты коллег, попавших в коррупционные списки, низкая зарплата, недостаток рабочих кадров, изношенность основных фондов сделали свое дело, и руководители начали массово добровольно покидать директорские кресла. Поэтому и планировалось масштабное помилование заключенных, с единственной целью: пополнение ослабленного проблемами экономики директорского корпуса страны.

– Тимофей Сергеевич, – рассказывал адвокат, – я точно знаю, что через две-три недели Вы покинете колонию. Не могу даже предполагать куда могут Вас направить на работу. Уж, конечно, не в суд или правоохранительные органы. Но о том, что Вы попали в списки для помилования, я знаю точно. Возможно, Вас отправят поднимать сельское хозяйство. Такое может быть! Вы юрист, а сельчане не только сами должны государству, но и им должны немаленько коммерческие структуры. И только юрист сможет как-то разобраться в этой круговерти. А агрономы и зоотехники, поверьте мне, там в полном комплекте. И грамотные, и умные, и работоспособные. Только за свой труд они давно зарплату не получают. А голодные специалисты, это и не специалисты вовсе. Это кулаки-помещики, которым домашнее подворье куда дороже государственного добра.

– Вы уверены, что я в этих списках? Я далеко не производственник, – не поверил Тимофей.

– Да, это так. Мой знакомый из минюста эти списки уже видел, – подтвердил адвокат, – Сейчас от Вас требуется единственное – разумное поведение. Вы даже не пытайтесь отказываться или приводить какие-то доводы. Во-первых, Ваше согласие здесь не требуется, а во-вторых – Вы справитесь. Сегодня я зачислил на Ваш счет в колонии небольшую сумму денег на первоочередные нужды. Деньги Вы получите при освобождении, вместе с документами. Сегодня же, через контролеров колонии, передам пакет с одеждой и обувью и, отдельно, пакет с продуктами. Ключи и техпаспорт от машины и, на первое время, копию Вашего водительского удостоверения, зарегистрированную в ГАИ, привезу сам. Потом Вы, уже самостоятельно, получите новое водительское удостоверение. Машину в день Вашего освобождения сам при-

гоно сюда. Благодарности от Вас ни в каком виде не жду. Мне уже за эти услуги заплатили. Разве, что подбросите меня до города, там на стоянке я оставлю свою машину.

Перед Тимофеем открылись двери проходной колонии строгого режима в день подписания указа о помиловании. Адвокат его встретил и подвел к машине. Тимофей устроился на водительском месте вполне приличной иномарки и сказал адвокату:

– Ну, что, с Богом? Не страшно ехать с таким водителем, как я? За руль я не садился более десяти лет. Сначала личный водитель, а последние четыре года, сами понимаете – не до прогулок было на личном авто. Мы каждый день работали на производственной базе: видите ли, для срочных нужд страны проволоку очищали от ржавчины. Где-то в стране существуют неисчерпаемые залежи спутанных мотков ржавой проволоки.

– Вы не шутите? – удивился адвокат.

– Нет, какие тут шутки, – Тимофей показал адвокату свои расцарапанные руки, – Кто проволоку путал и зачем хранили – вопрос открытый. Возможно, специально по заказу исправительных колоний страны, чтобы был объем работы для заключенных. Этот ржавый металлолом на территорию колонии периодически привозили несколько большегрузов. Выгружали в склады производственной базы. Заключенные распутывали колючие мотки, а затем проволоку отчищали от ржи. Еще та работа – руки всегда грязные, расцарапанные, а со временем еще и покрытые струпьями от плохо заживающих ран. А результат от этого труда нулевой.

– Ее, что снова отправляли в запасник, на какой-то склад, чтобы ржавела? – снова удивился адвокат.

– Нет, – уточнил Тимофей, – Я предполагаю, что очищенную проволоку затем сдавали в утильсырье как металлолом, но уже чистенький, без коррозии. Колония за каторжный труд заключенных получала деньги и, можно смело утверждать, не рубли, а копейки. В статистике это называется нерациональным использованием людских ресурсов. А могли бы заключенные работать на экономику страны – скажем, в промышленности или строительстве. Там всегда, в том числе и сейчас, наблюдается дефицит кадров. Но для этого организаторы нужны, а их, как оказалось, в нашей стране большой недостаток.

В городе, возле платной стоянки для частных машин Тимофей высадил своего адвоката, вслед ему громко сказал: «Большое спасибо» и уехал.

И только через полчаса дороги в пригородный поселок, где жили его родители и, скорее всего, сын, Тимофей резко нажал на тормоза, остановил машину и чуть было не развернул ее в обратную сторону.

«И как тебя после этого можно назвать? – задал Тимофей сам себе вопрос, – конечно, негодяй. А может, просто ошалевший от свободы заключенный? Это больше похоже на истину. Однако, на лицо факт, что я разучился быстро принимать собственные решения. Очень при- скорбно, но это и есть привычка жить по команде со стороны. Не было команды от надзира- теля записать данные адвоката, а сам я не сообразил это сделать. Вот и вся разгадка. Колония превратила меня в робота. Взять этот нюанс на заметку и бороться с ним. На сей момент мне известна только фамилия этого человека. Но чтобы связаться с ним, нужен телефон, адрес или место работы. На самом деле это был единственный человек, который хоть как-то поддер- живал меня в годы изоляции от общества. Правда, ему за это платили. Работал он по дого- вору и понятно, что выполнял поручения работодателя. А работодатель или вторая сторона по договору, это, конечно, Фаина, хоть и бывшая, но все-таки, жена. Сама не приезжала, но посылала с поручениями адвоката. Спасибо, Фаина! Это тоже можно рассматривать, как под- держку. Ладно, увижу Фаину и узнаю все данные адвоката. Может, еще не один раз свидимся. Просто так, без надобности и дел, а как добрые, старые знакомцы».

Тимофей снова поехал вперед, уж очень хотелось увидеть родителей и сына. Конечно, родители постарели, а Артем подрос и возмужал. Парню в этом году должно исполниться девятнадцать лет. Сын уже не школьник, и не подросток, а студент. Какую профессию он

выбрал? Когда-то хотел быть юристом, а потом следователем или судьей! После ареста отца, наверное, Артем передумал быть судьей? Сердце Тимофея захлебывалось от ожидания – скоро, скоро, совсем скоро он их увидит и обнимет. «А на лето, – продолжал он строить свою будущую жизнь, – мои старики, а, возможно, и Артем будут приезжать ко мне, в деревню. А что? Сосновый бор, грибы, ягоды. Река или озеро – это рыбалка, ночевки у костра, шашлыки. Потом нельзя забывать о свежих продуктах – мясо, овощи и фрукты, парное молоко от чистой, ухоженной коровы. Конечно, будут приезжать. Буду жить вместе с родителями и сыном. Наверное, это и есть счастье».

Тимофей торопился домой, туда, где четыре года назад остались его родители и сын. Как они жили эти четыре года разлуки он не знал, но даже не сомневался, что с ними все в полном порядке и они ждут его. Связи, конечно, не было, но не в санатории он был, а отбывал наказание. А там всякое случается, может, кто-то из них писал ему, но письмо где-то по дороге потерялось. В любом случае, другого маршрута у него не было, он спешил в тот дом, где когда-то жили его старики и сын.

Но дорога все виляла, петляла, поднималась на холмы, спускалась вниз, конца и края ей не было. Такая длинная дорога домой! Только в сумерках Тимофей подъехал к родному дому.

Но, похоже, здесь его не ждали. Калитка и входная дверь заперты на замок, правда, ключи сразу нашлись на привычных с давних времен местах.

Тимофей вошел в дом. Тихо, пусто, запах сырости, плесени и забвения. Так пахнут покинутые людьми дома. Как и люди, они страдают от одиночества, заболевают, разрушаются и умирают. На обеденном столе лежал мобильный телефон и лист бумаги, на котором было написано: «Тим, здравствуй! Видишь на столе телефон – позвони, и мы сразу приедем. Все наши номера записаны в мобильнике. Мы все доступны. Мазуровы».

Тимофей позвонил, ответила Ольга. Ольга, в девичестве Ерохина, приходилась бывшей жене Тимофея Фаине дальней родственницей. Общались они редко, но все-таки общались. Фаина была старше Ольги на несколько лет, общих интересов у них не было не только из-за разницы в возрасте, но и по убеждениям, поэтому и дружбы тоже не было.

Замуж Фаина выходила за Тимофея, как говорят в народе, «по залету». Фаина преследовала Тимофея, плакала, прилипала к нему и кричала, что она опозорена и, если он не женится на ней, то она, Фая, повесится.

Тимофей в то время женитьбу не планировал, мечтал о карьере, материальном благополучии, загородном доме с бассейном в английском стиле и аристократке-жене.

Фаина в эту категорию не вписывалась – рыночный продавец из мясной лавки, с начальным образованием, профтехучилищем и полным отсутствием женского шарма и обаяния.

Но Тимофей на ней женился, и не потому, что хотел ребенка, а внутренним чутьем угадал, что обиженная, скандальная Фаина испортит ему не только жизнь, но и будущую карьеру.

В конце концов и из Фаины при небольшом усилии можно вылепить вполне приличную жену. Из положительных качеств на тот момент у Фаины присутствовал только один фактор – молодое, плотное тело, жадное до мужской ласки.

Все остальное, что должно присутствовать в жене-аристократке нужно было создавать. А это большая работа. Начиная от одежды и запаха косметики, вплоть до хоть какого-то образования и манер поведения.

С образованием все получилось быстро и просто – Тимофей пристроил свою скоропалительную жену в пединститут на специальность дошкольное образование, где как всегда был недобор. Одна проблема была решена.

Но с одеждой, косметикой и манерами, нужно прямо признаться, ничего так и не получилось. Даже в дорогой одежде Фаина выглядела вульгарной девкой, а элитная французская косметика на ее туалетном столике дружелюбно соседствовала с китайским ширпотребом.

Родить в комфортной обстановке помогли родители Ольги. А вот имя новорожденному придумала Ольга. Обычное имя, но Ольга, в то время сама еще ребенок, однако, лирик и фантазер, смогла придать ему необычную семейную значимость. С младенческих лет, и до сих пор, родители и близкие люди Тимофея называют Тимом. Девочка Оля уговорила всех домашних новорожденного малыша назвать Артемом, что в домашнем варианте будет – Тем. Вот так и случилось – папа Тим, а сын Тем! На этом месте своих воспоминаний Тимофей улыбнулся – где же ты, Тем? Так хочу тебя увидеть!

Через полчаса к дому подъехала машина, из нее выгрузилось семейство Мазуровых почти в полном составе. Не хватало только внука Николая, его оставили с другой бабушкой.

Мазуровы поздоровались, молча и сосредоточенно из привезенных сумок стали выгружать на стол еду.

– Сначала мы покушаем, а потом и поговорим, – сказала, а вернее приказала, Наталья Викторовна, – ты, Тимофей, наверное, с утра ничего не ел? Вот мы все вместе и поужинаем, а уж потом – разговоры, можно до самого утра.

– А где мои все? – спросил Тимофей, – как я понимаю куда-то уехали? Отдыхают, что ли?

– А ты, Тимоша, ешь, – приговаривала Наталья Викторовна, – я же сказала, потом поговорим. Наговоримся еще, все успеем рассказать.

– Кое-что можно и сейчас уточнить, – не выдержал молчание Николай Андреевич Мазуров, глава семьи – скажи, Тимофей, как случилось, что тебе вручили взятку прямо на застолье по случаю твоего дня рождения? Мы о происхождении взятки так до сих пор ничего не знаем. Заседания суда проходили в закрытом режиме – ни журналистов, ни родственников, ни друзей. После суда одни говорили, что это прямая подстава, а другие утверждали, что ты якобы помог некому пьяному мотоциклисту, сбившему девушку, уйти от ответственности и эта взятка реальная.

– И все они правы, – ответил Тимофей, – на самом деле была и подстава, и реальная взятка. Вы скажете – так не бывает! Получается – бывает.

– Тогда рассказывай, будем слушать, – Алексей Мазуров умел слушать.

– Я всегда гордился своей честностью и неподкупностью, – продолжил Тимофей, – Даже «гордился» мягко сказано, я искренне верил в то, что я честный, верный и педантичный служитель Законов и вершить судьбы людей – это мое право по жизни. Считал себя чуть ли не представителем Бога на земле. Как оказалось, я обычный, тщеславный, самоуверенный человек с низкопробным менталитетом и судить людей мне нельзя. После всего, что со мной случилось, я иногда пробую взглянуть на себя со стороны, самокритично и понимаю, что в судейское кресло попал случайно. Оно стояло рядышком, я в него и запрыгнул, самовольно. Моя мама сказала бы «без Божьего одобрения и благословения». Грешный человек, корыстный и ленивый умом, судьей быть не должен. Такому человеку по умолчанию лень или недосуг искать в деле истину. И что делать с презумпцией невиновности подозреваемого? Самому искать мотивы и состав преступления, вписываться в правовое поле страны, что-то доказывать или защищать подозреваемого? Но это сложно, хлопотно и трудозатратно!

– Да, – согласился старший Мазуров, – это большая и ответственная работа. Извини, Тимофей, продолжай.

– Так получилось, что в колонии я отбывал наказание с людьми, которых я когда-то несправедливо и очень жестоко осудил. – Рассказывал Тимофей, – Конечно, судил их районный или городской суд, а я рассматривал апелляции на имя председателя областного суда. Правда, рассматривал, это громко сказано – ничего я не рассматривал. Апелляции, по давно сложившейся традиции, я обычно отклонял, при этом не читая. Ну, как же я мог унижить коллегу-судью из района? Он-то, все прочитал и изучил. Я должен был его поддержать. Раз он принял такое решение, то его нужно признавать и поддерживать. Я согласен, что это и есть круговая судейская порука, но что-то изменить или поправить даже не пытался. Коллеги оби-

дятся и на скандал в СМИ можно нарваться. Журналисты сразу поднимут на ура тему справедливости принятых решений от судей разных уровней. Поэтому все катилось, как по давно накатанной дороге. – Тимофей вздохнул и продолжил:

– И, вот, на зоне пришлось свидеться с людьми, которых судил. Они меня хорошо запомнили, во-первых, моя фамилия мелькала в судебных решениях и постановлениях по привлечению осужденного к ответственности, во-вторых, внимательно следили за новостями из зала суда, где судили самого судью, значит, меня. Когда я оказался с ними в одном отряде, то мне чуть ли не бойкот объявили – сторонились, это мягко сказано, в столовой со мной за один стол не садились – брезговали. Случилось так, что блатные-уголовники пытались меня убить. Не за проявленное к ним неуважение, а просто так, за то, что я их когда-то судил. На удивление, спас меня один из таких же, несправедливо обвиненных мной людей. И прокомментировал: «Все мы когда-то совершаем ошибки. Этот чел по ошибке попал в судебское кресло. Многим он жизнь переломал. Но и к нему пришло возмездие – сидит он вместе с нами. Оставьте вы его в покое, пусть он живет и мучается. Может, поймет, что каждому из нас дана только одна жизнь и прожить ее надо по справедливости».

– Но мы были уверены, что для бывших служителей закона в стране существует отдельное исправительное учреждение. Это как бы их защита от расправы озлобленных на них людей. Разве не так? – спросил Алексей

– Спецзоны для бывших правоохранителей существуют. Но меня почему-то отбывать наказание направили в колонию, где основная часть осужденных, это матерые уголовники. И если бы не этот парень, то не сидел бы я сейчас вместе с Вами. Но я не стал писать жалобы и прошения, чтобы меня перевели в спецколонию, где отбывают наказание такие же, как я. Я тогда решил, что заслужил такое наказание и, если выживу, то буду жить по другим правилам. А теперь о взятке. На самом деле она была, и вот как я ее получил.

История взятки председателю областного суда была обыденным делом нашей повседневной жизни: ты мне, я тебе. Это уже стало нормой, когда представители от власти, используя свое служебное положение, оказывают помощь всякого рода крупным и мелким мошенникам и находят для них пути-дороги в обход правового поля страны. Взамен за проделанную работу им непременно вручают нарядную коробочку или конверт к празднику. В зависимости от объема работы бонус может иметь и другие, более значительные размеры.

Приближался день рождения председателя областного суда Базылева Тимофея Сергеевича. Он был на взлете карьеры: недавно зачислен в резерв на должность председателя Верховного суда, имел первый квалификационный судебский класс и уже готовился к переаттестации на высший. Друзья Базылева настаивали на празднике самого высокого качества, лучше всего в традициях «мальчишника». У Базылева был не просто день рождения, а юбилейное пятидесятилетие со дня рождения.

Круг гостей не обсуждался, это были коллеги не только из области, но и из столицы. Списки, конечно, существовали, но на самом бытовом уровне: организаторы собирали деньги на общий подарок юбиляру и оплату самого мероприятия. Когда были сказаны тосты и выпито немало спиртного к Тимофею подошел человек, которого он прежде не знал. Или знал, да с течением времени забыл. Кто-то из коллег, Тимофей сейчас не помнил «кто», из-за его спины тихо прошептал: «Этому человеку ты недавно помог. Видишь, помнит. Ты прими от него подарок, людей нельзя обижать». Тимофей выслушал от подошедшего человека хвалебную оду, машинально протянул руку, забрал коробку в цветастой упаковке и отложил ее в сторону. Оказывается, он принял взятку.

Вечер плавно перетекал в ночь, когда гости разъехались по домам. Водитель Тимофея перенес подарки шефа на улицу и уложил их в багажник машины. Вскоре к машине подошел и Тимофей. И в это время машину плотно окружили люди в штатском. Позже они представились сотрудниками комитета госбезопасности. Коробки с подарками вновь перенесли в здание и

сняли с них упаковку. В одной из коробок и была обнаружена записка с единственным словом «Взятка».

Тимофея арестовали и перевезли в сизо КГБ. На следующий день нашли взяткодателя, который сразу написал чистосердечное признание. Человек утверждал, что взятку судье он вынужден был дать за оказанную им помощь по освобождению из-под стражи его разгильдяя-племянника, который напился до нечеловеческого состояния, курнул травки, а затем водрузился на мотоцикл и решил погонять по главным улицам родного города. Его вояж закончился весьма трагично: на пешеходном переходе он сбил молоденькую девушку студентку, помощь ей не оказал, а трусливо сбежал с места происшествия.

Конечно, его нашли, уже трезвого и раскаявшегося в безнравственном поступке по неоказанию помощи пострадавшему лицу.

Но к тому моменту уже были допрошены свидетели происшествия, которые утверждали, что самым безнравственным поступком молодого разгильдяя было его невменяемое состояние от большой дозы алкоголя или наркотиков.

Молодого человека арестовали и поместили в сизо до выяснения обстоятельств этого дела следственной бригадой.

На этом этапе родственники обвиняемого начали упорно искать помощь со стороны. Нужен был влиятельный человек, который бы смог замолвить словечко в следственном комитете. Ведь все уже случилось, назад время не открутить, ничего не исправить. С пострадавшей девочкой конфликт давно улажен, она получила значительную сумму денежных знаков в качестве отступного, хватит не только на лечение, но и дальнейшую безбедную жизнь.

«А если нашего мальчика посадят в тюрьму, то жизнь его считай закончена, – убеждал Тимофея незнакомый ему человек, который появился в кабинете Тимофея по протекции Фаины – поживет в обществе преступников и сломается».

Тимофей следователям, конечно, позвонил, и попросил оказать должное внимание этому инциденту, а лучше всего, с учетом молодого возраста паренька, помочь ему остаться в обществе, т.е. на свободе.

Так изложил свое признательное показание незнакомый Тимофею человек. При этом оказалось, что это не фантазия взяткодателя, ДТП с мотоциклом, пьяным водителем и пострадавшей девушкой было на самом деле.

В следственном комитете вынуждены были признаться, что прекратили уголовное преследование водителя мотоцикла по просьбе председателя областного суда Базылева.

Против Тимофея сразу возбудили уголовное дело. В ходе расследования Тимофей так и не назвал имя человека, который конкретно просил его о помощи нетрезвому водителю. Во всяком случае так записано во всех протоколах допроса Тимофея, как обвиняемого.

Следователь сомневался, что Тимофей на самом деле забыл имя посредника, но доказать это не смог. В интерпретации следователя Базылев элементарно уходил от ужесточения наказания за групповую коррупцию.

Конечно, Тимофей помнил, что просила об этом его жена Фаина, причем просила истерично и настойчиво, поэтому он сдался и позвонил в следственный комитет. Сделать Фаину соучастницей преступления Тимофей не мог – все-таки женщина и, кроме того, бывшая жена.

Так и осталось это преступление частично нераскрытым. За несговорчивость и молчание Тимофею был назначен почти максимальный срок наказания по предъявленной ему статье уголовного кодекса, но адвокат сумел хоть как-то, но защитить...

– Такая, вот история, – закончил свою исповедь Тимофей, – но вы мне так и сказали, где сейчас находятся мои родители и сын? Они в отъезде? На лечении? Где они, почему наш дом вызывает ощущение пустоты и затхлости? Или Артем живет с Фаиной? И мои родители с вместе с ними?

Все Мазуровы вышли из-за стола и плотно друг к другу уселись на диван. «Защищают себя от какой-то опасности, – сделал вывод Тимофей, – что-то должно произойти».

Глава семейства Мазуровых, Николай Андреевич, кашлянул, протер платком вспотевший лбу и сказал:

– Тяжело мне, Тимоша. Но кто, кроме меня? – Внезапно охрипшим голосом начал он, – Ты прости меня, что именно мне выпала горькая доля сообщить тебе всю правду о твоей семье. Ты ведь спешил сюда, чтобы встретиться со своей семьей? Не отвечай, все именно так, как я сказал. Ты давно не видел своих родителей, сына и Фаину.

– Где они? – спросил Тимофей

– Их больше нет. Они все погибли. Я не буду говорить тебе слова утешения, в таких случаях их просто не слышат. Но я хочу тебе пообещать любую помощь, в том числе и в расследовании всего случившегося. Артем, твой сын, погиб через полгода после твоего ареста. Сорвался с крыши девятиэтажного дома, куда он согласно заключению следственной группы забрался, чтобы ночью снять на камеру панораму города. Через два дня после похорон Артема, ночью были застрелены твои родители.

– Кто это сделал? – снова короткий вопрос от Тимофея.

– Единственным подозреваемым была названа Фаина. В то время она находилась под подпиской о невыезде, против нее уже было возбуждено уголовное дело по факту получения взятки. Якобы приняла от руководителей строительных фирм, созданных облисполкомом, набор посуды цептор. Говорили, что за лобби госзаказа. Затем состоялся суд, наказание Фаине – два года исправительных работ. Ее поместили в исправительную колонию общего режима, которая находилась в другой области. Поэтому следственные мероприятия по факту убийства твоих родителей проводились нашими следователями, а суд состоялся по месту нахождения исправительной колонии, где отбывала срок Фаина. Сначала она отрицала свое участие к убийству свекра и свекрови, потом вдруг скоропалительно сделала признание в совершенном преступлении. Ее приговорили к смертной казни. Но Фаина сама вынесла себе приговор – она повесилась в первый день после решения суда.

– У нее была защита? – Спросил Тимофей, – У нее же был некий молодой человек. Что не нашел деньги на адвоката?

– Ты же знаешь, Тимофей, что в таких случаях друзья куда-то исчезают – ответил Николай Андреевич, – но адвокат у нее был, мы нанмали. Адвокат готовил апелляцию и уверял нас, что решение суда отменят хотя бы потому, что Фаина оговорила себя, а у следствия и суда нет улик преступления, которые бы явно указывали на Фаину. Но все произошло так, как и произошло. Все члены твоей семьи захоронены на городском кладбище. Одно на всех место, одна ограда. Завтра мы тебе покажем все могилки.

– А кто же тогда все эти годы мне помогал? Я думал Фаина... И почему мне не сообщили про их гибель? – обратился Тимофей ко всем Мазуровым

– Да, не сообщили, – подтвердил Николай Андреевич, – после гибели Артема такое решение приняли твои родители. Боялись, что ты сломаешься. Утратишь смысл жизни и сам не захочешь жить. Ну, а когда погибли твои родители, то аналогичное решение принимали мы, по тем же мотивам. Всей семьей. Кто тебе помогал и содержал твоего адвоката, к сожалению, мы не знаем. В уголовном Кодексе существует правило: постороннему лицу запрещено передавать в колонию для осужденного продукты или вещевую передачу. Каждый раз нужно писать на имя начальника колонии заявление и доказывать, что хоть ты и не являешься сидельцу близким родственником, но чем-то связан с ним по жизни. Когда мы обратились с аналогичной просьбой к начальнику колонии, в которой отбывал наказание ты, нам сообщили, что такое разрешение уже получила некая женщина, которая назвала себя твоей гражданской женой.

– Какая еще гражданская жена? – удивился Тимофей.

– Мы не знаем. Но ваши отношения подтвердили свидетели, в том числе и ее соседка. Начальник колонии меня предупредил, что если все-таки мы будем настаивать и получим разрешения на оказание тебе материальной помощи и моральной поддержки, то он вынужден будет отказать твоей гражданской жене в аналогичном послаблении. Больше настаивать мы не стали. Наверное, отношения с той женщиной тебе были очень дороги, а мы могли все разрушить. Позже мы несколько раз уточняли у администрации колонии, продолжает ли тебе поступать помощь? Нам отвечали, что да, все в порядке. Не разрешены твоей гражданской жене только свидания, а передачи и денежные переводы ты получаешь регулярно. Как я понимаю, адвоката тебе нанимала тоже она. Если ты в чем-то сомневаешься, то обратись к своему адвокату: у него в договоре обязательно прописаны все данные этой женщины.

– В том-то и дело, что я, кажется, утерять связь с моим адвокатом. У меня нет даже его телефона. Но это все отложим на потом». Сейчас я хочу разобраться как на самом деле погибла моя семья. Фаина, согласен, недалекий, ветренный человек. Но она не убийца. А Тем как погиб? Странно он погиб! Ночью что-то снимать на камеру? Да, он был экстремал, но я уверяю Вас – ленивый экстремал, и ночью лезть на крышу дома не в его предпочтениях. Ночью он предпочитал спать. История моей семьи похожа на плохой детектив, где все герои погибают просто так, и непонятно зачем и кому это выгодно. Слушаю вас и не верю! Я хочу знать правду. У меня есть в запасе пять дней, попробую хоть в чем-то разобраться.

– Наша помощь тебе нужна? – спросил Николай Андреевич.

– Нет, – ответил Тимофей, – Вы мне не помогайте. Я сделаю все сам. Я почему-то уверен, что моя семья погибла из-за меня, мне и причины устанавливать. А сейчас я бы остался один. Хочу осмыслить свою трагедию: когда все было, и в один момент нет ничего. И это ради чьей-то выгоды или в наказание одному лицу? И все-таки завтра я нуждаюсь в вашей помощи. Покажите мне могилы моих родных людей.

Тимофей всю ночь просидел на стуле возле обеденного стола. В его больной голове ржавым гвоздем застрял один-единственный вопрос: «Господи, за что?» Голова болела страшной, рвущей на части тело болью. Ему знакома была такая боль. Так болят зубы, когда воспаляется вся челюсть, и вместо жизни и ее ощущений остается только боль, боль, боль... Нужно было встать, дойти до машины и найти в аптечке хоть какой-то анальгетик. Но сил на это простое действие не было. Голова, заполненная болью, разучилась командовать телом, и оно стало безвольным, беззащитным и никому не нужным, даже ему самому.

Тимофей не заметил, как наступил рассвет, в окна деревянного дома родителей заглянуло солнышко. Очнулся он от громкого стука в окно, это приехали Мазуровы, Алексей и Ольга. Сейчас они вместе поедут на кладбище, где покоятся два поколения семьи Базылевых – бабушка с дедушкой, их любимый внук и его мама.

С фотографий на могильных холмиках Тимофею улыбалась вся семья. Все они, безвременно ушедшие из жизни Базылевы, сегодня встречали Тимофея и радовались встрече.

«Это уже ничего не изменит, – думал Тимофей, – но я должен знать, как вы погибли. И, главное, кому это понадобилось. Три дня на сборы, один день на дорогу и один день на обустройство. Итого пять дней. В итоге у меня есть четыре дня для установления истины и один день на дорогу и обустройство. Или пять дней на расследование, а ночь на дорогу и обустройство на новом месте отбывания наказания. Ты справишься, Тимофей? Да, я постараюсь».

– С чего начнешь? – прощаясь спросил Алексей Мазуров, – ты, смотри, при необходимости мы сразу подключаемся.

– Да, я это знаю. Но я обязан сделать все сам. Начну со следователей. А там будет видно. Если я увижу, что расследование на всех уровнях проведено в полном объеме, значит, просто перепроверю. Если расследование неполное или, того хуже, мутное, подтасованное – то проведу его сам. Если буду отставать по времени или, хуже того, не получу нужный результат, в этом случае попрошу от Вас помощь. Ты сам понимаешь, мне нельзя и на несколько часов

опоздать на новое место жительства, иначе я могу получить взыскание, а мне оно нынче как стопудовая гиря на ноги. Это путь назад, в колонию.

Первый визит в управление следственного Комитета по области. Тимофей знал, что следователи в своем архиве всегда оставляют полную версию наработанных материалов по раскрытию уголовных преступлений, возможно, в копиях, но они есть.

При крайней необходимости материалы уголовного дела можно было запросить в суде. Но суда по факту гибели Артема не было.

Фаину судили за убийство старших Базылевых. Вот с Фаиной могут возникнуть трудности. Тимофей не знал кем он ей сейчас приходится. Если муж, то его ознакомят с материалами уголовного дела. Ну, а если его статус «бывший муж», то как повезет... Хотя с делом по убийству родителей его все-таки ознакомить обязаны. Правда, судили Фаину в другой области, и полный комплект материалов по уголовному делу находился там. «Пока посмотрим здесь, а там видно будет, – решил Тимофей»

Первая дверь, в которую он постучал в управлении следственного комитета была помечена табличкой «Следователи».

– Как погиб твой сын? – Молодой человек в несвежей футболке явно демонстрировал свое превосходство, и изначально старался подчеркнуть, что стоящий перед ним Тимофей пустое место.

Вероятнее всего он знал, что Тимофей свежеиспеченный досрочно освобожденный из колонии человек, а проще – зэк. Конечно, Тимофей своими знаниями, опытом, прежним положением и даже возрастом превосходил его в разы, но юноша был плохо воспитан, и эти мелочи старался не замечать.

Старший лейтенант юстиции, Анатолий Столяров, в собеседнике видел только уголовного преступника, поэтому и тон разговора позволил себе соответствующий, пренебрежительный.

– Так вот, – продолжил свое повествование следователь, – да, ты правильно обратился, по адресу. Это я вел дело по факту гибели твоего сына. Ничего там интересного нет. Ты его неправильно воспитал. Твой сын предпочитал острые ощущения. Короче, он был обречен на гибель. Потому что занимался этим, как его...

В это время в кабинет следователя вошел начальник местного управления следственного комитета, полковник юстиции Коваленко Олег Степанович.

– Тимофей Сергеевич, рад тебя видеть. Мне доложили, что ты прошел к следователям. Видимо, хочешь узнать, при каких обстоятельствах твой Артем погиб? Давай, мы с тобой побеседуем в моем кабинете. Все, что знаю, расскажу. Или попросим следователя, чтобы детально доложил нам о причинах смерти Артема и выводах следствия по этому вопросу.

На столе, перед Тимофеем стояла чашка с давно остывшим чаем, к которому он так и не притронулся. Все его внимание было сосредоточено на тощей папке, в которую были подшиты все документы и выводы следствия о причинах гибели Артема Базылева.

– Олег Степанович, и это все документы по расследованию причин гибели Артема? – тихо спросил Тимофей, – Я правильно понимаю – дело было закрыто? Смерть по неосторожности?

– Да, это так, – подтвердил полковник, – ты помнишь, чем предпочитал заниматься Артем в свободное время? А он бегал по крышам высоток, ездил на крышах загородных электричек, прыгал с обычной веревкой с самых высоких точек нашего города. Как ты сам понимаешь, руфинг, зацепинг и прочие виды экстремального, скажем так, спорта. Все это очень опасно, крайне опасно. Мы изучили медицинскую карту твоего Артема – бесчисленные растяжения мышц, разрывы связок, гематомы, ушибы, переломы, рваные раны, сотрясение мозга и даже травмы позвоночника. В конечном итоге он сорвался с крыши девятиэтажного жилого дома и погиб.

– Ты хочешь сказать, что вывод следователя основан только на беглом просмотре медицинской карты Артема? А следственные действия по другим направлениям не проводились?

– Тимофей Сергеевич, ты же знаешь мое отношение к делу. Сколько лет мы с тобой были в одной упряжке? У тебя были ко мне претензии или замечания? Молчишь, значит не было. Конечно, мы пытались найти свидетелей гибели Артема. Но не нашли! Ни единый человек не видел, как он упал с крыши! Эксперты говорят, что это произошло перед рассветом. Прохожих в это время суток нет, а жильцы дома крепко спали. Упал он с торца здания, нет там ни окон, ни дверей. Упал на асфальтовое покрытие, шансов на спасение и жизнь у него не было. Твои родители утверждали, что в тот вечер он со своими одноклассниками собирался пойти в кино, фотографировать с высоты ни один человек из их компании не планировал. Поэтому они не стали ждать его возвращения и только ранним утром обнаружили, что парня нет дома. Да, тут уж и из милиции им позвонили и сообщили печальную новость. Я, когда узнал, то сразу же туда. Сам осмотрел и место происшествия, и тело парня. Конечно, ничего подозрительного не обнаружил. Похороны я тоже помогал организовать. Твои старики находились в некоей прострации. Когда их убили, я тоже принимал самое активное участие и в расследовании, и в организации похорон. Так что ты Тимофей зря обижаешься. Сделали все, что могли!

– Ты хочешь сказать, что уголовное дело по факту убийства моих родителей находилось в производстве тоже в вашем управлении?

– Конечно, – подтвердил Олег Степанович, – куда еще его могли передать? В другую область, или в республику? Показать тебе дело?

– Да, пусть принесут. И хорошо бы мне его дали полистать, хотя бы на полчаса.

Олег Степанович кому-то позвонил по внутреннему телефону и через несколько минут ему на стол положили два тома бумаг. Хозяин кабинета сказал Тимофею:

– Ты тут полистай, а я ненадолго отлучусь. Ты же понимаешь, что я нарушаю порядок допуска к архивным делам, но я твоим другом был, есть и буду. Смотри.

Тимофей пролистал оба тома бумаг и ничего интересного там не обнаружил. Фаина на все вопросы следователя сначала отвечала «Я не убивала», потом ее ответы изменились, и она стала утверждать «Я ничего не помню, была в шоковом состоянии. Я тогда похоронила сына». Заключительный протокол ее допроса был подшит в дело последним документом. На этом допросе Фаина на вопрос следователя «Так кто же убил родителей Вашего мужа?» Фаина ответила «Да, это я их застрелила. Они не должны были жить. Ведь это по их вине погиб мой сын, Артем. Это была месть».

– Скажи мне, пожалуйста, – обратился Тимофей к Олегу Степановичу, когда тот вернулся в кабинет, – а почему эти документы у тебя в управлении? Суд состоялся, приговор вынесен, значит и уголовное дело должно находиться в архиве суда.

– Да, это так, – согласился Олег Степанович, – но, зная твою въедливость, я предвидел этот вопрос. Я знал, что власти тебя включили в список помилованных заключенных лиц. И предполагал, что ты обязательно захочешь просмотреть эти дела. Поэтому и попросил твоего бывшего коллегу из областного суда, чтобы разрешил мне временно забрать эти дела в следственное управление. Я что-то сделал неправильно?

– Нет, – ответил Тимофей, – все правильно. Спасибо тебе.

Тимофей вышел из здания управления следственного комитета, сел в машину и долго сидел, уткнувшись взглядом через лобовое стекло в багажник стоявшей перед ним машины. В голове стучали мысли: «Нет, все неправильно. Эти тощие тома уголовных дел в следственном комитете... Словно их только что расшили, перебрали и сшили заново. Да, нужно разбираться. Начну с Артема. Попробую восстановить последний день его жизни. Родители утверждали, что в тот вечер Артем ушел со своими одноклассниками в кино. В деле нет ни одного имени. У родителей не спросишь, нужно уточнить с кем все-таки Артем провел вечер: с друзьями или с одноклассниками? Если с одноклассниками, то мне нужно в школу, ну, а если это дру-

зья, то начать их поиск можно где угодно – наш загородный дом, квартира, где Артам жил до школьного возраста, улица на которой стоит дом родителей, клуб этих самых экстремалов, интернет... Кстати, про интернет – нужно вернуться к Олегу Степановичу. Наверняка, среди архивных вещдоков у них хранится ноутбук Артема. Нужно его получить. Может, там есть какие-то сведения или записи о друзьях Артема».

Олег Степанович заявление Тимофея о выдаче ноутбука сына подписал, но предупредил, что ноутбук может быть в неисправном состоянии, столько времени прошло, батарея уж точно разрушилась от старости.

– В любом состоянии, – сказал Тимофей, – но он мне нужен. Пусть найдут.

Ноутбук нашли и выдали Тимофею. «Тестировать и разбираться с этой машиной буду вечером, а сейчас в школу» – решил Тимофей.

Глава 2

Старое, послевоенной постройки двухэтажное здание школы, в которой когда-то учился Тимофей, а затем его сын Артем, расположилось в глубине такого же старого парка. Строгие ряды ухоженных деревьев и скамеечки вдоль дорожек. Здесь всегда была прохлада и какая-то чопорность. Казалось, что здесь из поколения в поколение передавалась традиция соблюдать тишину и чистоту.

Даже маленькие первоклашки на переменках не решались пробежаться по аллеям, где-то бросить бумажку или обертку от какой-нибудь вкусности мимо мусорного бачка или просто пошалить. Дети чинно гуляли по аллеям или также чинно сидели на скамеечках и обсуждали свои неотложные детские дела.

Школа была расположена в старом городе, здание всегда сияло чисто вымытыми окнами и свежей краской стен. Месторасположение обязывало к чистоте и порядку.

В этой школе, как в никакой другой, и к ученикам предъявлялись повышенные требования. Родители готовили своих детей с репетиторами, чтобы они прошли отбор и были приняты сюда на учебу. В последние годы даже претендентам на первый класс при рассмотрении заявления преподаватели задавали вопрос:

«Есть ли у ребенка склонность к изучению иностранных языков, каких, имеются ли навыки в разговорной речи?»

Непростая школа с ограниченным количеством школьников всегда гордилась своими выпускниками, в их числе был и Тимофей, до некоторого времени им тоже можно было гордиться.

Сегодня он зашел в школу и остановился в фойе: он не знал к кому может обратиться бывший заключенный. До заключения, если ему приходилось бывать в школе по делам Артема, он, нисколько не сомневаясь, сразу проходил в кабинет директора. Туда сразу подавался чай-кофе и приглашался классный руководитель класса, в котором учился Артем. Тогда школа гордилась своим выпускником, Базылевым Тимофеем. Сегодня ситуация изменилась, и захочет ли директор принять уголовника? Сомнения Тимофея развеял сам директор: он появился в фойе и подошел к Тимофею.

– Увидел в окно, вроде Тимофей Сергеевич порадовал нас своим присутствием, да что-то не заходит ко мне. Вот, решил сам тебя, Тимофей, встретить. Проходи, если есть вопросы – ответим, если просто так зашел нас проведать – гостем будешь.

Старый учитель, умница и интеллигент, человек деликатный и толерантный. Он сразу понял с каким вопросом мог прийти Тимофей и сказал:

– Сейчас мы пригласим классного руководителя Артема, за ней попросим высказать свое мнение учителя физкультуры, ну а потом подведем итоги.

С классным руководителем Артему явно не повезло. Даже с первого взгляда было понятно, что женщина не первой молодости озабочена единственным вопросом – своим одиночеством. Она как можно ближе подошла к сидящему за столом Тимофею и все пыталась к нему прикоснуться и заглянуть в глаза. О внешкольной жизни своих учеников она знала мало или, точнее, совсем ничего не знала. Ломаясь и растягивая слова, она пыталась рассказать Тимофею в каком дружном коллективе учился его Артем. И все благодаря ее личному участию в жизни каждого подопечного. Тимофей вынужден был остановить ее красноречие и задал ей конкретный вопрос:

– Скажите, с кем из одноклассников дружил Артем, кому он мог доверить свои мысли и тайны?

– Я же Вам говорю, – смутилась педагог – класс, в котором учился Артем был самым дружным в нашей школе. Они все между собой дружили. Если Вы хотите что-то спросить у его

друзей, то я могу Вам дать полный список учеников его класса, с домашними телефонами и адресами проживания. Сейчас они взрослые и, скорее всего, где-то продолжают обучение. Где именно учится каждый из них я Вам сказать не могу, но Вы можете позвонить их родителям, они Вам точно все скажут.

Проводить дамочку из директорского кабинета оказалось не так-то просто. Она все пыталась навязать Тимофею свою мифическую помощь, и якобы для этого положить в его карман листик бумаги со своим номером телефона. Когда она все-таки удалилась из кабинета, Тимофеем скомкал бумажку и бросил в мусорную урну.

Следующим в директорский кабинет вошел физрук. Молодой человек не просто знал школьников, он их знал хорошо. Смерть Артема воспринял, как личное горе и зачислил в свои собственные недостатки в работе с учениками.

Артем и его трое друзей увлекались экстремальными видами спорта, в том числе паркуром. Как утверждал педагог, паркур хоть и экстремальный вид спорта, но очень красивый. Наблюдать, как трейсеры бегают по отвесной плоскости или перепрыгивают с одной крыши здания на другую, конечно, зрелище захватывающее: красиво, но страшно до сердцебиения. А вдруг...? Так вот. Чтобы хоть как-то застраховать ребят от этого «А вдруг...?» школьный учитель на школьном дворе начал заниматься с ребятами еще одним экстремальным видом спорта, правда, менее опасным чем паркур и, к тому же, под его надзором.

Физрук в свободное от занятий время играл с ребятами в поло на двухколесных электрических самокатах. Участник этой игры должен иметь навыки маневренного акробата, отлично управляющего своим телом. И что еще при этом замечательно, так то, что у игроков такого вида поло вестибулярный аппарат постоянно укрепляется и совершенствуется.

Учитель надеялся, что ребята увлекутся новым видом спорта и со временем отойдут и от паркура, и от зацепинга, да и по крышам домов перестанут бегать.

Но случилось ужасная трагедия – Артем погиб, и учитель часть вины за эту гибель взял на себя – не сумел отговорить, остановить, доказать, что пора остановиться, это крайне опасно.

Физрук в записную книжку Тимофея записал три фамилии и пометил: друзья Артема. Самые близкие, они же единомышленники по наполнению свободного времени экстримом и прочими развлечениями.

Физрук пожал Тимофею руку, сказал: «сожалею, готов нести ответственность» и вышел из кабинета директора.

Хозяин кабинета взял лежащую на столе записную книжку Тимофея, прочитал записанные там имена и согласно кивнул головой;

– Да, это друзья Артема. Но это неполный список подростков, с которыми общался и дружил Артем. Запиши туда еще одну фамилию – Кулешова Настя. Обычные ребята, из простых семей среднего достатка. Только Настя росла в неполной семье. Что-то там у ее родителей не сложилось, не получилось, в результате ее отец застрелился из охотничьего ружья. Насте в то время было десять лет. Отец застрелился практически на ее глазах. С тех пор у Насти не все в порядке с психикой. Очень красивая и талантливая девочка могла сорваться при виде капельки крови на чужом пальце. Настя находилась под постоянным присмотром нашего школьного психолога. Да, как видишь, последние годы в нашем школьном коллективе появился психолог. Старались в основном для Насти. Помог добиться нового штатного расписания с психологом один из родителей наших учеников, государственный чиновник. Не могли же мы отчислить Настю из школы только из-за того, что девочка перенесла огромный стресс из-за суицида отца. Настя тяжело перенесла, а вернее не перенесла, гибель Артема.

– Где она сейчас? – спросил Тимофей, – Я могу ее найти?

– Со дня гибели Артема Настя помещена в психиатрическую клинику, где находится и сейчас. – Сказал директор, – Мы пытались с ней поговорить, но она на контакт не идет. Сразу начинает кричать: «Артем, Артем, зачем, зачем», впадает в истерику, плачет и рвет на себе

волосы. Врачи советуют оставить ее в покое и лучше не пробовать вступать в контакт. Продукты для нее передали, через стекло посмотрели... и все, домой. Но я недавно заметил странную вещь, вернее я нечаянно подсмотрел, как ведет себя Настя, когда считает, что за ней никто не наблюдает. Ты знаешь, вполне осмысленный взгляд и разумное поведение. Мне почему-то показалось, что у Насти не все так плохо, как она сама демонстрирует. Давай твою записную книжку, я тебе адрес клиники запишу. Вдруг тебе пригодится. Какая-то тайна в поведении Насти есть. Три с половиной года она уже в клинике и улучшения нет? Наш психолог всегда нас уверяла, что Настя после любой тяжести стресса очень быстро возвращалась в обычное состояние. Попробуй с ней поговорить. Может, тебе повезет?

– А друзья Артема, кто они? Если можно, то пару слов про этих ребят. – попросил Тимофей.

– Хорошо, – согласился учитель, – теперь о друзьях Артема. Денис Пузырев, он же Деня или Шарик, добрый, безотказный, отзывчивый ребенок. Обычно для всей компании готовил домашние задания по физике и математике. Следующий – Степа Пашкин, по кличке СтеПаша. Этот лентяй, но лентяй хитрый. Если нет личной заинтересованности, то СтеПаша в деле, игре, занятиях будет простым наблюдателем. И, наконец, Никита Царин, он же Царь, и он же Кит – парень лидер, надо признать креативный человек во всех отношениях. К его мыслям и словам прислушивались учителя, а школьники, наверное, его больше побаивались, нежели, чем любили. Кое, что могу сказать и про Артема. Артем никогда не отличался безрассудностью и отчаянным героизмом. Это я к тому, мог ли он ночью залезть на крышу, чтобы сделать снимок? Не мог! Я был на той крыше – там по краю высокая парапетная стена, а на ней еще и решетка. В одном месте, там, где упал Артем, решетка проломана и нет парапетной плиты. Ее потом нашли недалеко от места падения Артема. Она упала вместе с Артемом. Что спрашивается Артем делал на парапете? Стоял на стене, фотографировал и оступился? Но решетка не позволила бы ему выпасть. Он мог сорвать решетку и парапетную плиту только в том случае, если бы на самом деле сорвался с крыши, но успел ухватиться за решетку или плиту и какое-то время висел там. Но тогда он там не фотографировал, а выполнял какие-то элементы паркура. Зачем? Для кого? Мозаика не складывается в картину. Парня не вернуть, но, возможно, это не несчастный случай, а преступление, причем, безнаказанное. Кстати, все три друга Артема сразу после похорон ушли из школы. Причина у всех одна – не могу быть там, где ходил живой Артем. Кем они стали сейчас, как сложилась судьба каждого из них, я не знаю. Но у тебя есть их домашние адреса, найти при желании можно. Это, Тимофей, все, что я мог тебе рассказать. Ты еще раз подумай, Тимофей, стоит ли ворошить прошлое? Кому от этого станет легче? Артему или твоим родителям? Может лучше оставить все так, как есть?

– Хорошо, – согласился Тимофей, – только думать уже поздно, я все решил. Мне нужна правда, достоверная информация о гибели моей семьи. Иначе никак нельзя. Не только душа болит, но и моя будущая жизнь поставлена под сомнение. Когда пойму зачем и почему, тогда и решу, как жить дальше и стоит ли вообще жизнь продолжать.

Тимофей пожал протянутую ему руку и вышел из школы. Уже сидя в машине, он решил, что первой навестит Настю.

Клиника находилась в лесу, сразу за чертой города. Тимофей оставил машину на маленькой стоянке возле въездных ворот в клинику и через калитку вошел на территорию клиники.

Сразу, возле ворот его остановил охранник. Куда, к кому, и разрешение на посещение – обычные вопросы от добросовестной охраны. Конечно, разрешения на посещение Насти у Тимофея не было. И официально его получить, конечно, не получится.

Тимофей вновь вернулся за ворота и решил, что здесь нужна помощь. Помощь человека, близкого к медицинским кругам. Это могла быть директор благотворительного фонда «Астрея» – Ольга Мазурова.

– Конечно, Тим, без разрешения администрации или хотя бы лечащих врачей, тебя к Насте никто не пропустит, – согласилась Ольга с действиями охраны клиники, – давай мы сделаем следующее. Жди меня возле клиники, я уже сажусь в машину и еду к тебе. Что-нибудь сообща придумаем. Дорогой я созвонюсь с главврачом клиники и, надеюсь, он подскажет как нам поступить или просто даст команду охране чтобы нас с тобой пропустили к Насте.

Тимофей сел в машину и приготовился долго ждать Ольгу. Но уже через полчаса возле его машины припарковался выхоленный, лоснящийся от заботы внедорожник и из него вышла Ольга.

– Нет, это не моя машина, – пояснила Ольга, заметив удивленный взгляд Тимофея, – попечители купили в дополнение к парку спецмашин скорой помощи. Нам иногда приходится транспортировать пострадавших людей по бездорожью. Сегодня я сама решила воспользоваться этой машиной. Все лучше, чем приехать на скорой помощи с мигалкой. Пойдем, Тимофей, нас ждет главврач.

– Как тебе удалось так сразу договориться?

– Не часто с просьбами обращаюсь. Предпочитаю решать все вопросы сама. – ответила Ольга.

– Оля, можно тебе задать вопрос о твоей личной жизни?

– Да, конечно, задавай. Больших тайн у нас в семье нет, поэтому могу ответить на любой вопрос, – согласилась Ольга.

– Тогда объясни ты мне, давно живущему на земле, взрослому, а скорее уже старому человеку, по какому принципу строятся отношения между мужчиной и женщиной? И не только между мужчиной и женщиной, а в семье тоже? Что со мной не так? Что я упустил в своей жизни? – задал свой главный вопрос Тимофей, – Я вчера увидел, как все Мазуровы дружно, в ряд, тесно уселись на диван и вдруг понял «А ведь они приготовились к чему-то очень болезненному, неприятному. Подставили друг другу плечо. Защищают друг друга от беды». Да беда, хоть и чужая, но беда. Ваш глава семьи мне ее и поведал. Тяжело ему было говорить слова убийцы, но ведь со всех сторон были вы, его семья. Может ты уже знаешь, Оля, на чем все это строится? Расскажи мне, что со мной не так...

– Нет, Тим, никаких секретов здесь нет. – ответила Ольга, – Хотя кое-что я тебе все же скажу. Семья Мазуровых построена на уважении и любви друг к другу. Мы редко бываем все вместе, но это ничего не меняет в наших отношениях. Каждый из нас уверен, что в случае нужды все Мазуровы оставят свои срочные, несрочные и текущие дела и бегом побегут оказывать помощь, тянуть из болота, лечить, делать компрессы и кидаться в самый тяжелый бой, чтобы помочь или защитить любого из нас, попавшего в беду. Нашим семейным девизом можно считать – сначала помоги, спаси, а все разборки потом. Мы с Лешей тоже бываем вместе редко. Оба трудоголики, оба с головой в работе, без выходных и очень часто – праздников. Но мы верим друг другу, мы знаем, что рядом есть любимый, надежный друг, он не предаст и не обманет, он защитит и поможет. И это не патетика, это образ жизни. Когда мы с Лешей доживем до старости и дела будут вершиться без нашего участия, мы возьмем друг друга за руку, так и уйдем из жизни, вместе, в один час. Прости, это уже патетика, мы будем вместе жить и жить, долго! Как-то так, Тим. Я тебе поведала что-то новое в правилах жизни? Конечно, нет! У тебя тоже еще все может сложиться.

– Нет, – Тимофей был твердо уверен, что остаток жизни проживет один, – я один, меня ждет одиночество и холод.

– Не хотела я тебе говорить, Тимофей, да, видимо, придется, – Ольга остановилась и присела на скамейку, – садись, есть тема для разговора. Это ненадолго.

– Говори, но недолго, – согласился Тимофей, – сама понимаешь, у меня каждая минута на счету.

– Конечно, я коротко. И так, в дни твоей молодости у тебя была романтическая история с женщиной. Она уже работала, кажется кассиром в банке, а ты учился в университете. Все правильно? Было? И ты вспомнишь, как ее зовут? – спросила Ольга у Тимофея.

– Что-то смутно помню. А вот как зовут не помню. Серенькая мышка, поэтому и не запомнил. Не успели мы с ней расстаться, как она вышла замуж. Собственно, перестали встречаться именно из-за ее поспешного замужества.

– Я продолжу? – спросила Ольга, – Да, именно серенькая мышка, да еще и старше тебя лет на пять. Но это не конец истории. Замуж она тогда вышла, фиктивно. Боялась позора. Она уже тогда была человеком закрытым, гордым и ответственным за свои поступки. Ты не вспомнил как ее зовут, так я тебе напомним, потому что это важно. Зовут ее Бася. Это имя тебе о чем-то говорит?

– Да, имя знакомое, – натянуто улыбнулся Тимофей, – банковская мадам, тоже серый, но уже кардинал. Одно время я своеобразно, но все-таки ухаживал за ней. Если говорить откровенно, то лоббировал интересы одного начинающего бизнесмена, как мне тогда казалось лучшего своего друга на всю жизнь. Это после моего ареста оказалось, что никакой он не друг. В то время ему нужна была регистрация сделки по приобретению контрольного пакета акций крупного нефтеперерабатывающего предприятия с выводом ценных бумаг в иностранное предприятие. Зарегистрировать сделку могла только она, эта самая Бася. Но она сразу отказала в регистрации. По закону нашего государства иностранному инвестору в то время можно было приобрести пакет акции не более пяти процентов от их общего количества. Вот, мы с ним, моим бывшим другом, и решили, что я соблазну ее, и она пойдет на нарушение законодательства. Да, пытался, да кривил душой, да ухаживал, но все без результата. В регистрации сделки она отказала, а я ушел к Фаине. Молодая, горячая... Да, у меня с этой Басей тогда ничего и не произошло. Скучная зануда в сереньком костюмчике. Правда, костюмчик от кутюрье, да еще и с ароматом французской косметики.

– Все немножко не так, – поправила Тимофея Ольга, – давай говорить правду, иначе я на этой стадии закончу разговор, и никогда назад не вернусь. Так что?

– Хотел приврать, но совсем немного, – решил сказать правду Тимофей, – гордость мужская не позволила быть правдивым в полной мере. Да, Бася! Сначала я ухаживал за ней ради регистрации сделки. Потом увлекся и уже хотел ее видеть каждый день. В интиме она мне сразу в категоричной форме отказала. В регистрации сделки тоже. Тогда мой партнер решил, что хамством добьется большего. Он-то и рассказал ей историю моих ухаживаний. О разговоре с ней меня он тоже поставил в известность: «Все, Тимоха, завязывай с этой дурой. Это упрямая ослица, нам она не поможет. Придется дробить сделку и подключать к нашему проекту как минимум еще человек пятнадцать надежных людей. Пройдет какое-то время, и мы по договорам дарения все получим в свои руки».

– Вы расстались? По чьей инициативе? – спросила Ольга

– Да, расстались, – подтвердил Тимофей, – но не безболезненно. Легко было только моему другу сказать: «завязывай», но в то время спокойно, без травм, отойти в сторону у меня уже не получилось. Я звонил ей, пытался встретиться после работы, искал поводы прийти к ней на работу. Но результат был нулевой – она смотрела на меня отсутствующим взглядом, на вопросы старалась и вовсе не отвечать. Сколько бы еще продолжались мои попытки продолжить наши отношения, хотя бы в том виде, в котором они были раньше, я не знаю. Но однажды, глядя мне в глаза она тихо сказала: «Пошел вон! И постарайся никогда не встречаться на моем пути». И это было сказано мне, прокурору района, на территории которого располагался ее банк. Сначала были мысли о мести, но со временем буря в душе поутихла, пришло понимание, что она сказала мне правильные слова. Да и мстить, используя служебное положение, я уже не смог бы – меня назначили судьей, а на этой должности мстить законопослушным гражданам

как-то не получается. Теперь, Оля, я рассказал тебе чистую правду, очищенную от лжи, и жду от тебя тоже правду. Все, что ты знаешь о Басе.

– Мы с Басей знакомы с момента регистрации благотворительного фонда «Астрея». Ирина уговорила ее возглавить филиал Московского банка «Индустриальный». Бася ушла из вполне благополучного банка, где работала около двадцати лет, и пришла в нашу команду. В дальнейшем ни мы, ни она об этом не пожалели. Ирина, Бася, я – мы команда. Мы понимаем и поддерживаем друг друга во всех ситуациях. Бася, как я уже упоминала, человек абсолютно закрытый. На работе – о работе. О личном никогда и ничего. И все-таки о личном мы поговорили. Бывают ситуации, когда душа накопила столько слез и боли, что нет уже сил носить это в себе. Если не выговоришься и не выплачешься, то и жизнь становится обременительна. У Баси эта ситуация видимо уже созрела. Мы встретились на похоронах твоего сына. Тим, как со временем, мне урезать рассказ? Или можно продолжать?

– Да, продолжай. Говори все, что знаешь. Никаких сокращений. Я хочу все понять.

– Хорошо! В тот траурный день Бася выглядела как никогда плохо. Закаменела и, кажется, плохо ориентировалась в пространстве. Я это заметила и протянула ей руку. Так мы с ней вместе и вошли в поминальный зал, где были накрыты столы. Выпили по рюмке красного вина и ушли. На улице Бася сказала: «Не оставляй меня. Сегодня я не смогу одна». Я проводила ее домой, мы накрыли чайный столик, но к чаю так обе и не прикоснулись. Бася не просто плакала, она рыдала, тонула в слезах, дрожала в судорогах и всхлипах. Вот тогда-то она мне все и рассказала – о ней, и о тебе. Но ты же понимаешь, Тим, что я сейчас совершаю по отношению к Басе подлый поступок. Просто я хочу поддержать тебя. Ты должен понять, что ты не один. Ладно, будь, что будет. Когда-нибудь Бася простит меня.

– Оля, ну говори, пожалуйста, – не выдержал Тимофей.

– Конечно, говорю, – согласилась Ольга, – у тебя Тимофей есть еще один сын. И такое совпадение – зовут его тоже Артем. Бася родила его уже после своего фиктивного замужества. Ее муж дал мальчику свою фамилию и отчество, Бася после замужества фамилию не изменила. Вскоре они развелись и тайна рождения мальчика осталась за семью печатями. Где он сейчас, я не знаю. Бася сказала, что он то ли учится за границей, то ли уже получил европейское образование. Вскоре после похорон твоей семьи Бася поменяла место жительства. «Спасибо и прощайте» сказала она мне по телефону и торопливо отключилась. Это все, что я знаю о Басе и твоём сыне. Ищи их, Тимофей. Ищи!

– Оля, возможно, ты знаешь, кто мне все четыре года оказывал материальную помощь в колонии? Кто содержал адвоката? Кто купил мне машину? Бася? Неужели Бася?

– Тимофей, я этого не знаю. Тебе уже рассказывали, что какая-то женщина назвалась твоей гражданской женой и получила разрешение на оказание тебе материальной помощи. А чтобы нанять адвоката вообще чье-то разрешение или согласование не требуется. Договор с адвокатом подписал, и все... Дальше адвокат сам во всем разберется. Ты все это знаешь лучше меня. А сейчас пойдём, Тимофей. Нас заждался главврач клиники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.